

Почти безумный сон придал смутным чувствам первые очертания, словно рассеяв туман и обнажив перед ним его собственные, почти постыдные мысли: он влюбился в собственного брата, который был рядом с ним последние двенадцать лет.

Он мог бы полюбить кого угодно — мужчину или женщину, — но почему, ну почему это должен быть именно его брат?

У Се с головной болью потер виски, чувствуя, как внутри закипает крайнее раздражение. Просидев в таком состоянии некоторое время, он поднялся, чтобы пойти застирать брюки.

К утру, когда пришло время завтракать, неловкость никуда не делась. Ши Ань, одетый в домашнее, небрежно взъерошил волосы и поприветствовал брата:

— Доброе утро, брат.

У Се, глядя на Ши Аня, на мгновение замер, а затем поспешно отвел взгляд:

— Угу.

Эта нарочитая холодность выглядела слишком неестественно после двенадцати лет близости, и даже не самый проникательный в вопросах чувств Ши Ань заметил перемену.

Юноша, чье лицо в лучах утреннего солнца казалось особенно изысканным, а глаза, похожие на зеленый нефрит, манили своей глубиной, слегка нахмурился:

— Брат, что с тобой?

— Ничего. Я пойду завтракать.

Поспешное бегство У Се окончательно испортило юноше настроение. Его ясные, чистые глаза в одно мгновение потемнели, а на лице, лишенном всякой улыбки, проступило пугающее выражение.

У Се же, погруженный в собственные мысли, видел лишь свои неправильные чувства и ошибочные желания. Единственным выходом ему казалось бегство, но никто не знал, было ли это верным решением.

Даже У Саньшэн и У Эрбай заметили неладное в отношениях между племянниками. Сначала Ши Ань пытался наладить диалог, но, наткнувшись на стену молчания, тоже решил отстраниться, и между братьями началась затяжная холодная война.

Неразлучные прежде братья теперь при встрече просто разворачивались в разные стороны. У Се смотрел вслед уходящему Ши Аню, опуская глаза, а в груди разливалась неконтролируемая ноющая боль.

Каждый раз, видя лицо Ши Аня, он с трудом сдерживался, чтобы не спросить, как он, счастлив ли он в школе, не обижает ли его кто-нибудь. Но он боялся столкнуться лицом к лицу с собственными бурными чувствами, которые, несмотря на все попытки запереть их на засов, рвались наружу от любого движения брата.

Но он боялся. У Се не мог перестать быть трусом, а Ши Ань лишь разочаровался в нем.

Ши Ань, которого У Се раньше баловал и опекал, теперь не мог добиться от брата и взгляда, даже обжегшись горячей водой. Даже когда он сам пытался сделать шаг навстречу, его встречало ледяное безразличие. У него тоже был свой предел терпения.

У Эрбай и У Саньшэн переглянулись, их чувства были сложными:

— Опять они что-то не поделили?

— Не знаю. Но они уже взрослые, пусть сами разбираются. Может, переходный возраст.

— Согласен, нам лучше не вмешиваться.

Позже Ши Ань даже съехал из дома клана У. Хотя У Се и так уже не жил в родовом поместье, теперь они виделись еще реже, разве что по праздникам.

У Се думал, что разлука поможет ему забыть о неуместных чувствах, но день за днем сны и приступы рассеянности напоминали ему: он не может забыть. Любовь, возникшая неведомо когда, оказалась слишком сильной, чтобы утихнуть, и с течением времени лишь глубже проникала в самую суть его души.

Он тайком приходил посмотреть на Ши Аня. Юноша выглядел точно так же, как в его воспоминаниях, но часто замирал на улицах, погруженный в глубокую задумчивость от усталости. У Эрбай пытался приобщить Ши Аня к делам клана, но юноша, который был младше У Се всего на восемь месяцев, совершенно утратил ту чистоту и жизнерадостность, что должны быть свойственны его возрасту.

Характер Ши Аня подходил для работы с У Эрбаем гораздо лучше, чем у У Се, поэтому многие советовали ему быть настороже. Но никто не мог даже представить, что в этот самый момент У Се прячется за углом, наблюдая за тем, по кому он тоскует до глубины души.

<http://bllate.org/book/24813/2935150>